

РИФМА ЛУКОНИНА: ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В данной работе впервые рассматривается рифма М. Луконина. Материалом являются сборники «Сердцебиенье» (1939-1945 гг.) и «Дни свиданий» (1945-1947). При анализе учитываются частотность употребления рифм, способы обновления рифмы и соотношение рифмокомпонентов. В работе определяются тематические и композиционные функции рифм. Ключевые слова: М. Луконин, стихосложение, рифма.

Творчество М.К. Луконина является одним из центральных в поэзии периода Великой Отечественной войны. По замечанию одного из его исследователей Л.А. Аннинского, М. Луконин был «поэтом исторического момента – небывалого момента, с которого начинается новый отсчет и для земли и для вечности. Не от прошлого, а от будущего велся этот отсчет» [1; с. 5]. Новаторство его творчества касалось не только идейно-тематического плана. В его произведениях мы можем обнаружить использование неклассических метрических форм, эксперименты с графическим и ритмическим членением стиха, новаторство в области строфической организации текста. Подверглись изменению и традиционные рифмы, на месте которых возникли новые оригинальные. Последние (рифмы) и стали предметом исследования в настоящей статье.

В работах Д.С. Самойлова [2], В.Е. Холшевникова [3], М.Л. Гаспарова [4, 5], Л.Л. Бельской [6] содержатся глубокие наблюдения за различными сторонами развития русской рифмы. В основе данных работ лежат теоретические положения рифмологии, сформулированные В.М. Жирмунским. В соответствии с ними рифма рассматривается как «...всякий звуковой повтор, несущий организационную функцию в метрической композиции стихотворения» [7; с. 246]. Вслед за В.М. Жирмунским стиховеды вводят в научный оборот такие понятия, как мужские, женские, дактилические и гипердактилические рифмы, точные, приблизительные, неточные и богатые рифмы, однородные и разнородные рифмы [7; с. 324-362].

Анализ работ по рифме показал, что литературоведы традиционно затрагивают три аспекта ее изучения: фонетический, грамматический и лексико-семантический. При анализе каждого аспекта исследователи используют различную терминологию и предлагают различные классификации рифм. Так, в классифи-

кации Д.С. Самойлова основной акцент делается на фонетическом анализе рифм и остаются без внимания морфологическая и композиционно-семантическая сторона [2; с. 34-54]. В классификации В.Е. Холшевникова рассматриваются все три аспекта, но лексический в ней представлен схематично [3; с. 47-54]. В исследованиях М.Л. Гаспарова мы встречаем две классификации. Первая из них представлена в исследовании «Эволюция русской рифмы». В основу данной классификации положен метрический признак, и в ней не учитывается лексический аспект [4; с. 326-339]. Вторая изложена в работе «Русские стихи 1890-х – 1925-го годов в комментариях». В данной классификации выделяются несколько типов рифм с лексико-семантической точки зрения, но эти типы фиксируют лишь специфические и единичные случаи употребления рифм [5; с. 37-57]. Более систематизированно интересующий нас аспект представлен в статье Л.Л. Бельской «К проблеме классификации и систематизации рифм (На материале поэмы Некрасова «Мороз, Красный нос»)» [6]. Классификацию, предложенную в этой статье, мы берем в качестве рабочей для своего анализа рифм М. Луконина. В данной классификации по частоте употребления рифмы делятся на **однократные** (встречающиеся один раз), **повторяющиеся, вариационные**, то есть вариации разных форм одних и тех же слов (наша – Маша, нашу – Машу), и **полуповторные** (с одним повторяющимся рифмокомпонентом поля – земля, земле – столе). В зависимости от значения рифмующиеся слова образуют семантические гнезда. При анализе словарного состава выделяются омонимические, тавтологические, поглощаемые, составные рифмы [6; с. 86-87]. Но в данной классификации не учтен вопрос оригинальности и тривиальности рифм. В связи с этим классификацию Л.Л. Бельской мы дополняем данными типами.

Анализ стиховедческих работ показывает, что наиболее разработанными и систематизированными в рифмологии являются исследования рифмы в фонетическом и грамматическом аспектах. Менее разработанным оказался на сегодня лексико-семантический аспект. Ситуация осложняется появлением скептических голосов о ненужности изучения семантики рифмы. Так, А. Б. Есин в статье «Об органичности рифмы» утверждает, что рифма не имеет семантического смысла [8; с. 40-45]. Мы данную позицию не разделяем. Для нас важно подчеркнуть семантическую роль рифмы, которая заключается в том, что при её повторении бессознательно оживает представление о первом рифмующем слове, и таким образом внутренняя связь содержания закрепляется, маркируется внешним выражением. В настоящей статье свой подход мы попытаемся показать на анализе лексико-семантической роли рифм М. Луконина.

Материалом для исследования являются два цикла стихов М. Луконина «Сердцебиенье» (1939-1945 гг.) и «Дни свиданий» (1945-1947), вошедших в сборник «Стихотворения и поэмы» и опубликованных в серии «Библиотека поэта» [9]. Анализ охватывает 31 стихотворение М. Луконина, 507 рифмопар.

Анализ лексико-семантического уровня рифм целесообразно начать с выяснения их словарного состава и семантической значимости слов, входящих в состав рифмы. Показателем значимости того или иного слова является частота его употребления.

В поэзии М. Луконина выявлено 30 повторяющихся рифм (*врагу – снегу* («Письмо», «Наблюдатель», «Фронтные стихи»); *мимо – необходимо* («Хорошо», «Получил письмо я: «Как живете?..», «Иду. Решаю ...»). Причем ни одна рифма не повторяется в роли рефрена. Все 30 употребляются в разных контекстах, развивая или варьируя сюжет или тему стихотворения.

Немногочисленна группа вариационных рифм – всего 10 (*война – страна* («Наблюдатель»), *войне – стране* («Ночью лыжи шипят: молчи!..»); *жить – сложить* («Приду к тебе»), *жив – сложив* («Наблюдатель»). Такие повторы рифм создавали не только клише, но и были индивидуальной приметой стиля поэта.

Особенно многочислен у М. Луконина ряд полуповторных рифм (73,6% всего рифменного лексикона). Среди них встречаются слова

с близкой семантикой; они образуют следующие семантические гнезда, которые мы располагаем в порядке убывания частотности:

1) война и народные бедствия, представленные рифмами со словами: *бой* (*бой – тобой* («Ночью лыжи шипят: молчи!..»), *бою – скамью* («В вагоне»), *боем – воём* («Хорошо»)), *боль* (*боль – роль* («Сталинградский театр»); *боли – поле* («Поле боя»)) и др.;

2) явления природы: *вода* (*воды – следы* («Ты в эти дни жила вдали...»), *воду – свободу* («Поле боя»)), *день* (*день – ступень* («Новый день»)), *дни* – *повремени* («Ты в эти дни жила вдали...»), *дня* – *кляня* («В вагоне»)) и др.;

3) человек и части его тела: *глаза* (*глаза – гроза* («Пришедшим с войны»), *глаза – кирза* («В вагоне»)), *грудь* (*грудь – путь* («Поле боя»)), *грудь* – *выходи*, *грудь* – *один* («Дом номер один»)) и др.;

4) дорога и связанные с ней предметы: *вагон* (*вагон – сторон* («В вагоне»), *вагона – перрона* («Провожаящим»)), *дорога* (*дорогам – порога* («Поле боя»), *дорогой* – *тревогой* («В вагоне»)) и др.;

5) образы, связанные с малой родиной: *город* (*город – ворот* («В Ельце»), *город – заборов* («Осень»)), *дом* (*дом – трудом* («Новый день»), *дом – потом* («Дом номер один»), *домой* – *прямой* («В вагоне»)) и др.;

6) искусство и поэтическое творчество: *стихи* (*стихи – глухи*, *стихи – неплохи*, *стихи – штыки* («Фронтные стихи»)), *слова* (*слова – права* («Сталинградский театр»), *слова – жернова* («Мои друзья»), *слова – трава* («Ты в эти дни жила вдали...»)).

Как показывает анализ словарного состава рифм М. Луконина, в его поэзии частотны употребления таких слов в рифмах, которые не называют, а указывают на предметы или объекты; это местоимения. Частотное использование местоимений обусловлено тем, что такие слова имеют большее количество рифм и приближают стихотворный текст к разговорной речи. Среди этих слов выделяется местоимение «я», «мой» и их падежные варианты, с помощью которых ярко выражается субъективная позиция лирического героя. Местоимение «я», «мой» и их падежные варианты входят в состав 13 рифм (*меня – огня* («Мама»); *моя – затая* («Наблюдатель»); *мне – вине* («В вагоне»)). На этом основании мы можем прийти к выводу, что лири-

ческий герой в двух циклах стихотворений не только является лирическим субъектом, но и входит в систему персонажей.

Помимо лирического героя в систему персонажей входят другие лица. Их характер и взаимоотношения выражаются с помощью местоимений «ты» и «твой» и их падежных вариантов, которые употребляются в 10 рифмах (*ты – цветы* («Ты в эти дни жила в дали...»), *тобой – собой* («Приду к тебе»), *тебе – судьбе* («Мама»)). С помощью этих местоимений лирический герой обращается к матери, возлюбленной, жизни, судьбе, искусству, дороге. По отношению к четырем последним объектам изображения автор использует прием персонификации, придавая интимную, личностную окраску своим произведениям.

Также в 8 случаях в рифмах употребляется слово «мы» и его падежные варианты (*нами – чужунами, мы – зимы* («По дороге на войну»); *нами – знамя* («Осень»)). Лишь в одном случае «мы» – это герой и его возлюбленная. В остальных случаях «мы» – это герой и солдаты, которые рядом с ним. Таким образом, лирический субъект выступает не как отдельная личность («я»), но как коллектив, группа, объединенная общей целью – защита Родины.

Анализ частоты употребления тех или иных слов в рифме показал, что словарный состав рифм не богат, существует множество слов, переходящих из стихотворения в стихотворение, например *вина* (*вина – война* («Перед боем на рассвете...»), *вине – мне* («В вагоне»)), *снег* (*снег – век* («Ночью лыжи шипят: молчи!..»), *снегу – врагу* («Фронтовые стихи»)). Это обусловлено военной тематикой произведений, которая требует простоты и ясности в высказываниях. Поэтому в состав рифм входят слова, значение которых понятно и важно для каждого человека. Значение этих слов обыгрывается и раскрывается в каждом стихотворении. Использование в рифмах местоимений, выполняющих указательную функцию, обусловлено тем, что они легче рифмуются и создают на первый взгляд кажущееся ощущение простоты, за которой прячется глубоко осмысленный поиск формы, соответствующей военным будням. К тому же использование местоимений является приметой разговорного стиля. Именно эти разговорные элементы – главные составляющие стилового своеобразия стихотворений М. Луконина.

Следующим вопросом при исследовании лексического состава рифм является вопрос об их оригинальности. В творчестве М. Луконина большую роль играют **тривиальные** рифмы *путь – грудь* («Провожаящим»), *меня – огня* («Мама») и др. Аналогичные рифмы встречаются в поэзии Н. Гумилева и А. Ахматовой [10; с. 197, 304, 164, 276]. Такие рифмы рассчитаны на читательское ожидание. Например: «В фойе театра / шел бой. // Упал / левый / лев, а правый / заслонил собой // дверей высокий зев» («Сталинградский театр»). В приведенном отрывке М. Луконин использует привычную для слуха тривиальную рифму *бой – собой*, которая к тому же является поглощаемой. О данном виде рифм подробнее будет сказано ниже.

Разнообразие в словарный состав рифм вносят творческие эксперименты М. Луконина с именами собственными. Стремясь обогатить свой стих **оригинальными** рифмами, М. Луконин иногда ставит в конце строки имена собственные, представленные в основном географическими названиями (*отогрелись – Карелии* («По дороге на войну»)), именами и фамилиями (*клином – Калинин* («По дороге на войну»)), и неологизмы военного времени (*белофинн – один* («Наблюдатель»)). Общее количество оригинальных рифм составляет 23 рифмопары.

Употребляемые в рифмах неологизмы представлены разговорной (белофинн) и стилистически сниженной (фриц) лексикой. Рифмы, содержащие данные слова, еще не имели клише, поэтому звучали неожиданно по-новому.

Следующим вопросом при анализе является вопрос о соотношении рифмующихся слов на лексическом уровне. На этом основании выделяются однословные рифмы, среди них омонимические, тавтологические, поглощаемые и составные.

В двух циклах стихов нами выявлена всего одна **омонимическая** рифма. М.Л. Гаспаров отмечал, что такие рифмы рассматриваются как изысканный курьез, игра слов [5; с. 39]. Поэтому в стихотворениях на военную тематику их употребление является излишним. Вместе с тем в выявленном нами примере демонстрируется, как можно мастерски использовать данный прием: «А вот еще другое вспоминаю: / под пулями я маюсь и бреду // на ледяном ветру. / Иду в бреду, // и кровь течет... / Когда? В каком году? // Да говорят, что это было в мае!» («О

мае»). Образный строй и торжественно-медитативная интонация в данном отрывке полностью исключают возможность оценивать его комически.

Тавтологическая рифма используется в 5 случаях. М.Л. Гаспаров отмечает, что при такой рифме обманывается читательское ожидание и сознание начинает искать разницу в смысловых значениях слов или хотя бы разницу ситуаций. Поэтому при повторении слова в новом контексте подчеркивается его дополнительное значение. Например: «Но утро приходит! / Мы дальше идем вдоль заборов. // На каланче у самой зари развевается знамя. // Осень, осень! / Смотри – над Днепром задумался город. // Это Киев! Это Киев перед нами! // Вот над Киевом знамя!» («Осень»). В приведенном нами стихотворении описывается пейзаж возле города Киева. Но этот пейзаж отходит на второй план, когда повторяется слово знамя. Читательское сознание начинает анализировать разницу, с которой употребляется это слово. Строка «Вот над Киевом знамя» заставляет читателя вспомнить, что когда-то этого знамени не было, когда-то город был захвачен. Повтором слова «знамя» подчеркивается факт освобождения города.

Для произведений М. Луконина характерно использование **поглощаемых** рифм типа *любил – ил* («Наблюдатель»), *домой – мой* («В вагоне»), *рассвете – свете* («Иду. Решаю...»). Всего выявлено 39 рифм данного типа. Их использование придает стихотворениям эффект эха, речитативного перебора, рождающего атмосферу военных действий. Одновременно поглощаемые рифмы, имеющие несомненную образность, демонстрируют поиски поэта по нахождению оригинальных рифм.

Способствует яркости и необычности звучания стихотворения употребление **составных** рифм (*просто – до ста* («Хорошо»); *живу ли – нули, тоскуя – живу я* («Получил письмо я: «Как живете?...»)). Такие рифмы придают лаконичность высказыванию и являются средством оригинальности.

Далее остановимся на вопросе о том, какие функции выполняют рифмы в тексте.

Во-первых, с помощью рифм может подчеркиваться основная тема произведения. Это особенно заметно, если слово повторяется в стихотворении 2-3 или более раз. Так, например, в стихотворении «Фронтные стихи» на 14 рифм

приходится 5 со словом «стихи». Слова, с которыми оно рифмуется, раскрывают коллизию стихотворения. Лирический герой в стихотворении задается вопросом: какими должны быть фронтные стихи и нужны ли они фронту? Ему кажется, что изображенный в стихах трагизм и героизм никому не нужен, что книга с такими стихами «... пригодилась бы фронту: / глухими ночами // ею печь в блиндаже / разжигал бы / сержант Иванов...». Далее при развитии сюжета лирический герой приходит к выводу, что настоящие фронтные стихи – это письмо солдата, его поведение в бою, песня рабочих в тылу, это особое чувство, ведущее «на подвиг и труд». Для того чтобы выделить эту мысль, автор подбирает рифмы, отражающие суть настоящих стихов: *стихи – неплохи, стихи – штыки, стихи – тухи*. Например: «Вот сержант Иванов / письма пишет на противогазе: // как живет, / где живёт, / что дела и харчи неплохи, // что пора бы домой, / – «ждешь меня? / Обращаюсь с наказом: // Ты себя береги!..» / Это есть фронтные стихи». Такую же функцию – выражение основной темы произведения – рифмы выполняют в стихотворениях «Поле боя» (поле – боли, поле – воле), «О мае» (мае ли – стояли, вспоминаю – мае, называю – мае), «Новый день» (день – тень).

Второй функцией рифм является отражение динамики событий. По мнению С.А. Матяш, при выполнении данной функции велика роль глагольных рифм [11; с. 15]. Их разная концентрация в строфах маркирует движение. Сравните строфы из стихотворения «Мама»: «Я маму не целовал давно. // Маленьким был – / целовал, / *душил*, // с улицы жаловаться *спешил*, // потом торопливо мужать *решил*» и «Изо дня / в день / я думаю о тебе – // моей колыбели, / моей судьбе – // женщине, вырастившей меня».

В первом приведенном нами отрывке молниеносно проносятся детские годы лирического героя. Быстрая смена картин обусловлена употреблением трехчленной рифмы с глаголами плюс внутренней рифмы *был – душил*. Во втором отрывке, напротив, показано описание мыслей героя, поэтому здесь встречаются иные с лексической точки зрения рифмы. Также данную функцию рифм – отражение динамики событий – мы встречаем в стихотворениях «Наблюдатель» (*ходить – заговорить, путь – оглянуть*), «Приду к тебе» (*лишу – спрошу, ворот –*

идёт), «9 мая в Берлине» (*переглядываясь – угадываешь, переменилось – случилось*) и др.

Третьей функцией рифмы в произведениях М. Луконина является изображение контуров исходной сюжетной ситуации. Такую функцию выполняют рифмы *любил – ил, вдали – ковчиги* в стихотворении «Наблюдатель». В нем изображены два времени: довоенное и военное. Исходной сюжетной ситуацией в данном стихотворении является довоенная жизнь лирического героя. Чтобы воссоздать характер его мирной жизни, автор употребляет в рифмах слова, передающие ее специфику: «В жизни я наблюдать любил. // Бывало, идешь, глядишь – // Волга вечером, / Волга, тишь, // волны выносят ил». Кроме того, контуры исходной сюжетной ситуации изображают рифмы в стихотворениях «По дороге на войну» (*сверкал – отыскал*), «Поле боя» (*туда – труда, поле – боли*), «В вагоне» (*копил – был, подряд – гонят*) и др.

К трем перечисленным функциям рифмы добавляется четвертая – очерчивание финала событий. Такую функцию выполняют рифмы *поведу – влечу, гроза – глаза* в стихотворении «Пришедшим с войны». В данном стихотворении лирический герой начинает мирную жизнь после войны, эта жизнь ассоциируется с любимой женщиной, трудной плодотворной работой. Для того чтобы очертить финал, в котором показаны моменты послевоенной жизни, автор

использует рифмы, указывающие на результат действия, его обобщение: «Сам тебя поведу, // где дома и гроза. // Пальцы в пальцы влечу, // и глазами – в глаза». Такую же функцию выполняют рифмы в стихотворениях «Мои друзья» (*люби – труби*), «9 мая в Берлине» (*жизни – отчизны*), «Приду к тебе» (*побывать – кровать, сложить – жить*) и др.

Проделанный анализ позволяет сделать следующие выводы. Для поэзии М. Луконина характерна такая особенность, как частотное использование полуповторных рифм, которые, объединяются в лексико-семантические гнезда. Для того чтобы разнообразить стих, М. Луконин использует оригинальные рифмы, представленные именами собственными и неологизмами. Рассмотрение соотношения рифмокомпонентов на лексическом уровне выявляет тавтологические, омонимические, поглощаемые и составные рифмы, которые выполняют определенные функции в тексте. Анализ данных функций показал семантическую значимость рифм для отражения чувств и поведения человека в экстремальных условиях войны.

Таким образом, несмотря на то, что сборники «Сердцебиенье» и «Дни свиданий» писались в годы войны, когда, по известному афоризму, «музы молчат», рифмы М. Луконина отражают большую работу автора над стихотворной техникой, проявившуюся в поисках оригинальных рифм.

Список использованной литературы:

1. Аннинский, Л. А. Михаил Луконин // М. Луконин. Стихотворения и поэмы / Вступ. статья Л. А. Аннинского. Сост., подг. текста и примеч. Н. Г. Захарченко. – Л., 1985. – С. 5 – 46.
2. Самойлов, Д. С. Книга о русской рифме / Д. С. Самойлов. – М., 1982.
3. Холшевников, В. Е. Что такое русский стих // В. Е. Холшевников. Мысль, вооруженная рифмой. – М., 2004. – С. 27 – 72.
4. Гаспаров, М. Л. Эволюция русской рифмы // М. Л. Гаспаров. Избранные труды. Т.3. – М., 1997. – С. 326 – 339.
5. Гаспаров, М. Л. Русские стихи 1890-х – 1925 годов в комментариях: учеб. пособие / М. Л. Гаспаров. – М., 1993.
6. Бельская, Л. Л. К проблеме классификации и систематизации рифм (На материале поэмы Некрасова «Мороз, Красный нос») // Филологические науки. – 1997 – №4. – С. 86 – 92.
7. Жирмунский, В. М. Рифма, ее история и теория // В. М. Жирмунский. Теория стиха. – Л., 1975. – С. 241 – 362.
8. Есин, А. Б. Об ограниченности рифмы // Филологические науки. – 2000 – №6. – С. 40 – 45.
9. Луконин, М. К. Стихотворения и поэмы / Вступ. статья Л. А. Аннинского. Сост., подг. текста и примеч. Н. Г. Захарченко. – Л., 1985. Далее текст цитируется по данному изданию
10. Казанцева, А. А. Анна Ахматова и Николай Гумилев: диалог двух поэтов / А. А. Казанцева. – СПб., 2004.
11. Матяш, С. А. Рифма баллад В. А. Жуковского // Вестник ОГУ. – 2001 – №3. – С. 13 – 16.

Mukaseeva V.A.

Lukonin's rhyme: lexical-semantic aspect

Lukonin's rhyme is regarded in this article at the first time. The materials are the collections "Palpitation" (1939-1945) and "Days of dates" (1945-1947). The frequency of rhyme's usage, methods of rhyme's renewal and correlation of rhyme's components are considered at the analysis. Thematic and compositional functions of rhyme are determined in this work.

Key words: M. Lukonin, versification, rhyme.

Сведения об авторе: Мукасеева Валентина Александровна, аспирант кафедры русская филология и методика преподавания русского языка Оренбургского государственного университета.
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, тел.: (3532) 372461, 89619088002; e-mail: muka-valentina@yandex.ru